

Три царства — медное, серебряное и золотое — вариант 6

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил царь Бел Белянин; у него была жена Настасья золотая коса и три сына: Петр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич. Пошла царица с своими мамушками и нянюшками прогуляться по саду. Вдруг поднялся сильный вихрь что и боже мой! схватил царицу и унес неведомо куда. Царь запечалился-закручинился и не ведает, как ему быть. Подросли царевичи, он и говорит им: «Дети мои любезные! Кто из вас поедет — мать свою отыщет?»

Собрались два старшие сына и поехали; а за ними и младший стал у отца проситься. «Нет,— говорит царь,— ты, сынок, не езд! Не покидай меня одного, старика». — «Позволь, батюшка! Страх как хочется по белу свету постранствовать да матушку отыскать». Царь отговаривал, отговаривал, не мог отговорить: «Ну, делать нечего, ступай; бог с тобой!»

Иван-царевич оседлал своего доброго коня и пустился в дорогу. Ехал, ехал, долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; приезжает к лесу. В том лесу богатеиший дворец стоит. Иван-царевич въехал на широкий двор, увидал старика и говорит: «Много лет здравствовать, старичок!» — «Милости просим! Кто таков, добрый молодец?» — «Я — Иван-царевич, сын царя Бела Белянина и царицы Настасьи золотой косы». — «Ах, племянник родной! Куда тебя бог несет?» — «Да так и так,— говорит,— еду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, где найти ее?» — «Нет, племянник, не знаю. Чем могу, тем и послужу тебе; вот тебе шарик, брось его перед собою; он покатится и приведет тебя к крутым, высоким горам. В тех горах есть пещера, войди в нее, возьми железные когти, надень на руки и на ноги и полезай на горы; авось там найдешь свою мать Настасью золотую косу».

Вот хорошо. Иван-царевич попрощался с дядею и пустил перед собою шарик; шарик катится, катится, а он за ним едет. Долго ли, коротко ли — видит: братья его Петр-царевич и Василий-царевич стоят в чистом поле лагерем и множество войска с ними. Братья его встренули: «Ба! Куда ты, Иван-царевич?» — «Да что,— говорит,— соскучился дома и задумал ехать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поедemте вместе». Они так и сделали; отпустили войско и поехали втроем за шариком. Издали еще завидели горы — такие крутые, высокие, что и боже мой! верхушками в небо уперлись. Шарик прямо к пещере прикатился; Иван-царевич слез с коня и говорит братьям: «Вот вам, братцы, мой добрый конь; я пойду на горы

матушку отыскивать, а вы здесь оставайтесь; дождитесь меня ровно три месяца, а не буду через три месяца — и ждать нечего!» Братья думают: «Как на эти горы влезать, да тут и голову поломать!» «Ну,— говорят,— ступай с богом, а мы здесь подождем».

Иван-царевич подошел к пещере, видит — дверь железная, толкнул со всего размаху — дверь отворилась; вошел туда — железные когти ему на руки и на ноги сами наделись. Начал на горы взбираться, лез, лез, целый месяц трудился, насилию наверх взобрался. «Ну,— говорит,— слава богу!» Отдохнул немного и пошел по горам; шел-шел, шел-шел, смотрит — медный дворец стоит, у ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, так и кишат! А подле колодезь, у колодезя медный корец на медной цепочке висит.

Иван-царевич взял почерпнул корцом воды, напоил змей; они присмирели, прилегли, он и прошел во дворец.

Выскакивает к нему медного царства царица: «Кто таков, добрый молодец?» — «Я Иван-царевич». — «Что,— спрашивает,— своей охотой али неволей зашел сюда, Иван-царевич?» — «Своей охотой; ищу мать свою Настасью золотую косу. Какой-то Вихрь ее из саду похитил. Не знаешь ли, где она?» — «Нет, не знаю; а вот недалеко отсюда живет моя середняя сестра, серебряного царства царица; может, она тебе скажет». Дала ему медный шарик и медное колечко. «Шарик,— говорит,— доведет тебя до средней сестры, а в этом колечке все медное царство состоит. Когда победишь Вихря, который и меня здесь держит и летает ко мне чрез каждые три месяца, то не забудь меня бедной — освободи отсюда и возьми с собою на вольный свет». — «Хорошо»,— отвечал Иван-царевич, взял бросил медный шарик-шарик покатился, а царевич за ним пошел.

Приходит в серебряное царство и видит дворец лучше прежнего — весь серебряный; у ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы, а подле колодезь с серебряным корцом. Иван-царевич почерпнул воды, напоил змей — они улеглись и пропустили его во дворец. Выходит царица серебряного царства: «Уж скоро три года,— говорит,— как держит меня здесь могучий Вихрь; я русского духу слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух воочью совершается. Кто таков, добрый молодец?» — «Я Иван-царевич». — «Как же ты сюда попал — своею охотою али неволею?» — «Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она в зеленом саду погулять, как поднялся Вихрь и умчал ее неведомо куда. Не знаешь ли, где найти ее?» — «Нет, не знаю; а живет здесь недалечко старшая сестра моя, золотого царства царица, Елена Прекрасная; может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик, покати его перед собою и ступай за ним следом; он тебя доведет до золотого царства. Да смотри, как убьешь Вихря — не забудь меня бедной; вызволь отсюда и возьми с собою на вольный свет; держит меня Вихрь в заключении и летает ко мне

через каждые два месяца». Тут подала ему серебряное колечко: «В этом колечке все серебряное царство состоит!» Иван-царевич покатил шарик: куда шарик покатился, туда и он направился.

Долго ли, коротко ли, увидал — золотой дворец стоит, как жар горит; у ворот кишат страшные змеи — на золотых цепях прикованы, а возле колодезь, у колодезя золотой корец на золотой цепочке висит. Иван-царевич почерпнул корцом воды и напоил змей; они улеглись, присмирели. Входит царевич во дворец; встречает его Елена Прекрасная: «Кто таков, добрый молодец?» — «Я Иван-царевич». — «Как же ты сюда зашел — своей ли охотой али неволею?» — «Зашел я охотой; ищу свою матушку Настасью золотую косу. Не ведаешь ли, где найти ее?» — «Как не ведать! Она живет недалеко отсюда, и летает к ней Вихрь раз в неделю, а ко мне раз в месяц. Вот тебе золотой шарик, покати перед собою и ступай за ним следом — он доведет тебя куда надобно; да вот еще возьми золотое колечко — в этом колечке все золотое царство состоит! Смотри же, царевич: как победишь ты Вихря, не забудь меня бедной, возьми с собой на вольный свет». — «Хорошо, — говорит, — возьму!»

Иван-царевич покатил шарик и пошел за ним: шел, шел, и приходит к такому дворцу, что и господи боже мой! — так и горит в бриллиантах и самоцветных камнях. У ворот шипят шестиглавые змеи; Иван-царевич напоил их, змеи присмирели и пропустили его во дворец. Проходит царевич большими покаями и в самом дальнем находит свою матушку: сидит она на высоком троне, в царские наряды убрана, драгоценной короной увенчана. Глянула на гостя и вскрикнула: «Ах, боже мой! Ты ли, сын мой возлюбленный? Как сюда попал?» — «Так и так, — говорит, — за тобой пришел». — «Ну, сынок, трудно тебе будет! Ведь здесь на горах царствует злой, могучий Вихрь, и все духи ему повинуются; он-то и меня унес. Тебе с ним бороться надо! Пойдем поскорей в погреб».

Вот сошли они в погреб. Там стоят две кади с водою: одна на правой руке, другая на левой. Говорит царица Настасья золотая коса: «Испей-ка водицы, что направо стоит». Иван-Царевич испил. «Ну что, сколько в тебе силы?» — «Да так силен, что весь дворец одной рукой поверну». — «А ну, испей еще». Царевич еще испил. «Сколько теперь в тебе силы?» — «Теперь захочу — весь свет поворочу». — «Ох, уж это дуже много! Переставь-ка эти кади с места на место: ту, что стоит направо, отнеси на левую руку, а ту, что налево, отнеси на правую руку». Иван-царевич взял кади и переставил с места на место. «Вот видишь ли, любезный сын: в одной кади — сильная вода, в другой — бессильная; кто первой напьется — будет сильномогучим богатырем, а кто второй изопьет — совсем ослабеет. Вихрь пьет всегда сильную воду и становится по правую сторону; так надо его обмануть, а то с ним никак не сладить!» Воротились во дворец. «Скоро Вихрь прилетит, — говорит царица

Ивану-царевичу.— Садись ко мне под порфиру, чтоб он тебя не увидел. А как Вихрь прилетит да кинется меня обнимать-целовать, ты и схвати его за палицу. Он высоко-высоко поднимется, будет носить тебя и над морями и над пропастями, ты смотри не выпускай из рук палицы. Вихрь уморится, захочет испить сильной воды, спустится в погреб и бросится к кади, что на правой руке поставлена; а ты пей из кади на левой руке. Тут он совсем обессилеет, ты выхвати у него меч и одним ударом отруби ему голову. Как срубишь ему голову, тотчас сзади тебя кричать будут: «Руби еще, руби еще!» А ты, сынок, не руби, а в ответ скажи: «Богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу!»

Только Иван-царевич успел под порфиру укрыться, как вдруг на дворе потемнело, все кругом затряслось; налетел Вихрь, ударился о землю, сделался добрым молодцем и входит во дворец; в руках у него боевая палица.

«Фу-фу-фу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?» Отвечает царица: «Не знаю, отчего тебе так сдается». Вихрь бросился ее

обнимать-целовать, а Иван-царевич тотчас за палицу. «Я тебя съем!» — закричал на него Вихрь. «Ну, бабка надвое сказала: либо съешь, либо нет!»

Вихрь рванулся — в окно да в поднебесье; уж он носил, носил Ивана-царевича — и над горами: «Хошь,— говорит,— зашибу?» и над морями: «Хошь,— грозит,— утоплю?» Только нет, царевич не выпускает из рук палицы.

Весь свет Вихрь вылетал, уморился и начал спускаться; спустился прямо-таки в погреб, подбежал к той кади, что на правой руке стояла, и давай пить бессильную воду, а Иван-царевич кинулся налево, напился сильной воды и сделался первым могучим богатырем во всем свете. Видит он, что Вихрь совсем ослабел, выхватил у него острый меч да разом и отсек ему голову.

Закричали позади голоса: «Руби еще, руби еще, а то оживет». — «Нет,— отвечает царевич,— богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу кончает!» Сейчас разложил огонь, сжег и тело и голову и пепел по ветру развеял. Мать Ивана-царевича радая такая! «Ну,— говорит,— сын мой возлюбленный, повеселимся, покушаем, да как бы нам домой поскорей; а то здесь скучно, никого из людей нету». — «Да кто же здесь прислуживает?» — «А вот увидишь». Только задумали они кушать, сейчас стол сам накрывается, разные яства и вина сами на стол являются; царица с царевичем обедают, а невидимая музыка им чудные песни наигрывает. Наелись-напились, отдохнули; говорит Иван-царевич: «Пойдем, матушка, пора! Ведь нас под горами братья дожидаются. Да дорогою надобно трех цариц избавить, что здесь у Вихря жили».

Забрали все, что нужно, и отправились в путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потом за царицей серебряного, а там и за царицей медного царства; взяли их с собою, захватили полотна и всякой всячины и в

скором времени пришли к тому месту, где надо с гор спускаться.

Иван-царевич спустил на полотне сперва мать, потом Елену Прекрасную и двух сестер ее. Братья стоят внизу — дожидаются, а сами думают: «Оставим Ивана-царевича наверху, а мать да цариц повезем к отцу и скажем, что мы их отыскали». — «Елену Прекрасную я за себя возьму, — говорит Петр-царевич, — царицу серебряного царства возьмешь ты, Василий-царевич; а царицу медного государства отдадим хоть за генерала».

Вот как надо было Ивану-царевичу с гор спускаться, старшие братья взялись за полотна, рванули и совсем оторвали, Иван-царевич на горах остался. Что делать? Заплакал горько и пошел назад; ходил, ходил и по медному царству, и по серебряному, и по золотому — нет ни души! Приходит в бриллиантовое царство — тоже нет никого. Ну, что один? Скука смертная! Глядь — на окне лежит дудочка. Взял ее в руки. «Дай, — говорит, — поиграю от скуки». Только свистнул — выскакивают хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Есть хочу». Тотчас откуда ни возмись — стол накрыт, на столе и вина и кушанья самые первые. Иван-царевич покушал и думает: «Теперь отдохнуть бы не худо». Свистнул в дудочку, явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Да чтобы постель была готова». Не успел выговорить, а уж постель постлана — что ни есть лучшая.

Вот он лег, выспался славно и опять свистнул в дудочку. «Что угодно?» — спрашивают его хромой да кривой. «Так, стало быть, все можно?» — спрашивает царевич. «Все можно, Иван-царевич! Кто в эту дудочку свистнет, мы для того всё сделаем. Как прежде Вихрю служили, так теперь тебе служить рады; только надобно, чтоб эха дудочка завсегда при тебе была». — «Хорошо же, — говорит Иван-царевич, — чтоб я сейчас стал в моем государстве!»

Взял он башмаки, обернул, бежит во дворец. Елена Прекрасная увидала башмаки и догадалась: «Верно, это Ивану-царевичу духи делают». — «Как это ты сделал?» — спрашивает она у башмачника. «Да я, — говорит, — все умею делать!» — «Коли так, сделай мне платье подвенечное, чтоб было оно золотом вышито, бриллиантами да драгоценными камнями усеяно. Да чтоб завтра было готово, а не то — голову долой!» Идет башмачник опять пасмурный, а други давно его ждут: «Ну что?» — «Да что, — говорит, — одно окаянство! Вот проявилась переводчица роду христианского, велела к завтраму платье сшить с золотом, с камнями. А я какой портной! Уж верно завтра с меня голову снимут». — «Э, брат, утро вечера мудренее: пойдем погуляем».

Пошли в трактир, пьют-гуляют. Башмачник опять нализался, притащил домой целый бочонок вина и говорит Ивану-царевичу: «Ну, малый, завтра, как разбудишь, так целое ведро и выдую; пусть пьяному рубят голову! А этакого платья мне и в жизнь не сделать». Хозяин лег спать, захрапел, а Иван-царевич

свистнул в дудочку — явились хромой да кривой: «Что угодно, царевич?» — «Да чтоб к завтраму платью было готово — точно такое, как Елена Прекрасная у Вихря носила». — «Слушаем! Будет готово». Чем свет, проснулся Иван-царевич, а платье на столе лежит, как жар горит — так всю комнату и осветило. Вот он будит хозяина; тот продрал глаза: «Что, аль за мной пришли — голову рубить? Давай поскорей вино!» — «Да ведь платье готово...» — «Ой ли! Когда ж мы сшить успели?» — «Да ночью, разве не помнишь? Ты сам и кроил». — «Ах, брат, чуть-чуть припоминаю; как во сне вижу». Взял башмачник платье, бежит во дворец.

Вот Елена Прекрасная дала ему много денег и приказывает: «Смотри, чтоб завтра к рассвету на седьмой версте на море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан был мост золотой, тот мост устлан дорогим бархатом, а около перил по обеим сторонам росли бы деревья чудные и певчие птицы разными голосами воспевали. Не сделаешь к завтраму — велю четверить тебя!» Пошел башмачник от Елены Прекрасной и голову повесил. Встречают его други: «Что, брат?» — «Да что! Пропал я, завтра четверить меня. Такую службу задала, что никакой черт не сделает». — «Э, полно! Утро вечера мудренее; пойдем в трактир». — «И то пойдемте! Напоследях надо хоть повеселиться».

Вот они пили, пили; башмачник до того к вечеру напился, что домой под руки привели. «Прощай, малый! — говорит он Ивану-царевичу. — Завтра казнят меня». — «Али новая служба задана?» — «Да, вот так и так!» Лег и захрапел; а Иван-царевич тотчас в свою комнату, свистнул в дудочку — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Можете ль сослужить мне вот этакую службу...» — «Да, Иван-царевич, это служба! Ну, да делать нечего — к утру все готово будет». Назавтра чуть светать стало, Иван-царевич проснулся, смотрит в окно — батюшки светы! Все как есть сделано: золотой дворец словно жар горит. Будит он хозяина; тот вскочил: «Что? Аль за мной пришли? Давай вина поскорей! Пусть казнят пьяного». — «Да ведь дворец готов». — «Что ты!» Глянул башмачник в окно и ахнул от удивления: «Как это сделалось?» — «Да разве не помнишь, как мы с тобой мастерили?» — «Ах, видно, я заспался; чуть-чуть помню!

Побежали они в золотой дворец — там богатство невиданное и неслыханное. Говорит Иван-царевич: «Вот тебе, хозяин, крылышко; поди, обметай на мосту перила, а коли придут да спросят: кто такой во дворце живет? — ты ничего не говори, только отдай эту записочку». Вот хорошо, пошел башмачник и стал обметать на мосту перила. Утром проснулась Елена Прекрасная, увидела золотой дворец и сейчас побежала к царю: «Поглядите, ваше величество, что у нас делается; на море золотой дворец выстроен, от того дворца мост на семь верст тянется, а вокруг моста чудные деревья растут, и певчие птицы разными

голосами поют».

Царь сейчас посылает спрашивать: «Что бы это значило? Уж не богатырь ли какой под его государство подступил?» Приходят посланные к башмачнику, стали его расспрашивать; он говорит: «Я не знаю, а есть у меня записка к вашему царю». В этой записке Иван-царевич рассказал отцу все, как было: как он мать освободил, Елену Прекрасную добыл и как его старшие братья обманули. Вместе с запискою посылает Иван-царевич золотые кареты и просит приехать к нему царя с царицею, Елену Прекрасную с ее сестрами; а братья пусть назади в простых дровнях будут привезены.

Все тотчас собрались и поехали; Иван-царевич встретил их с радостью. Царь хотел было старших сынов расказнить за их неправду, да Иван-царевич отца упросил, и вышло им прощение. Тут начался пир горой; Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, за Петра-царевича отдал царицу серебряного государства, за Василья-царевича отдал царицу медного государства, а башмачника в генералы произвел. На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало.